

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-105-114

«ЛЕГИОН ИМЯ МНЕ»: ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О «МУРАВЕЙНИКАХ» ДОСТОЕВСКОГО

Сытина Ю. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Раскрыть метафорические смыслы «муравейника» в художественной и концептуальной картине мира Достоевского во взаимосвязи с культурно-историческим контекстом.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Путём рассмотрения традиции метафорического словоупотребления «муравейников» в русской и западноевропейской литературе уточнена генеалогия «муравейников» Достоевского, посредством анализа художественных произведений, статей, записных книжек писателя сделаны выводы о смысловой наполненности «муравейников» в его творчестве.

Результаты. Проведённый анализ показал, что «муравейник» у Достоевского упоминается и как метафора множественности и ничтожности людей, и как образ-концепт логично, «научно» устроенного общества, овнешняющего и редуцирующего человеческую личность. Оба эти словоупотребления были и до Достоевского как в западноевропейской, так и в русской литературе, но именно у него «муравейник» приобретает концептуальное значение. Для Достоевского принципиально важно отличие коллективизма как основополагающего принципа социального «муравейника» от христианской соборности как первоосновы братского единения людей во Христе.

Теоретическая и / или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Проведённое исследование позволяет уточнить концептуальную значимость «муравейников» в творчестве Достоевского, показать художественное воплощение мировоззренческих споров писателя с прогрессивистски настроенными современниками, отрицающими христианское понимание личности. Результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества писателя, в курсе преподавания истории русской литературы XIX в., а также для расширения комментариев при переиздании сочинений Достоевского.

Ключевые слова: интерпретация, коллективизм, образы муравья и муравейника, соборность, традиция

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90043.

MY NAME IS LEGION: ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF DOSTOEVSKY'S ANTHILLS

Yu. Sytina*Moscow State Region University,**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. The article reveals the metaphorical meanings of the anthill in the artistic and conceptual picture of the world of Dostoevsky in conjunction with the cultural and historical context.

Methodology. The article examines the tradition of metaphorical word use of *anthills* in Russian and Western European literature, specifies the genealogy of Dostoevsky's *anthills*. Analysis of works of art, articles, notebooks of the writer allows us to draw conclusions about the meanings of *anthills* in his work.

Results. Dostoevsky mentions the *anthill* both as a metaphor for the plurality and insignificance of people, and as an image-concept of a logical, *scientifically* organized society. This approach reduces and diminishes the human personality. Both of these word usage existed before Dostoevsky in Western European and Russian literature, but it is from him that the anthill acquires conceptual meaning. Dostoevsky distinguishes in principle collectivism as the basic principle of the social *anthill* and Christian conciliarity as the basis of fraternal unity of people in Christ.

Research implications. This study clarifies the conceptual significance of *anthills* in Dostoevsky's work, shows the artistic embodiment of the writer's worldview disputes with contemporaries who advocated progress, materialism and denied the Christian understanding of personality. The results can be used in the further study of the writer's work, in the course of teaching the history of Russian literature of the 19th century, as well as for expanding comments when republishing Dostoevsky's works.

Keywords: images of an ant and an anthill, tradition, interpretation, collectivism, collegiality

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18- 012-90043.

Введение

Муравьи и муравейники издавна занимали воображение мыслителей и поэтов. Людям вообще свойственно сравнивать друг друга или себя самих с насекомыми: трудолюбивый, как пчела, лентяй-трутень, паук-кровопийца, ничтожная вошь, мотылёк, летящий на огонь, беспечная стрекоза, и, наконец, трудолюбивый муравей и искусный муравейник. Но с последним, однако, всё оказывается непросто, и апологии муравьёв и муравейника противостоит полное их неприятие, что, впрочем, не новость для читателей Достоевского, раз за разом ополчавшегося на муравейники.

Наиболее подробно эту проблему осветил В. В. Дудкин в статье с характерным названием «“Муравейник” у Достоевского (От метафоры к концепту)» [12]. Учёный аргументированно пишет о том, что именно «у Достоевского происходит беспрецедентное расширение спектра разнородных, но уже только очень масштабных явлений европейской культуры, из которых он выстраивает синонимический ряд “муравейников”» [12, с. 152], «муравейник» у Достоевского можно назвать «концептом-образом» [12, с. 154]. Неизменно особого примечания удостоиваются «муравейники» Достоевского в собраниях сочинений

писателя [см.: 3, с. 371; 5, с. 387; 9, с. 369] или в отдельных комментариях к ним [25]. Яркая эмоциональная окраска и концептуальная значимость «муравейников» у Достоевского зачастую побуждает учёных так или иначе откликаться на их появление в тексте произведений, даже если предмет исследовательской рефлексии не связан этой темой [см.: 15, с. 255; 23, с. 163; 24, с. 120–121]. Принципиально важным при объяснении или интерпретации «муравейников» Достоевского неизменно оказывается общекультурный контекст, без которого невозможно понять, чем же так пришлись не по сердцу писателю эти маленькие насекомые.

Судьбы муравьёв и муравейников в мировой культуре и русской литературе до Достоевского

Сравнение человека с муравьём берёт свои истоки в древности, и изначально (если говорить о европейской культуре) – в книге «Притч Соломоновых», греческой мифологии, баснях Эзопа – воспринималось оно сугубо положительно [12, с. 148–149]. Но с XVII в. «новый образ человека оттеснил традиционное и неизменно позитивное качество муравья – трудолюбие – и актуализировал его “малость” в семантическом окружении и совпадении этой

“малости” с заурядностью, посредственностью, обезличенностью, “массовостью”. Произошло замещение «метафоры муравья (пусть обобщённого типа, но всё же единственного), метафорой муравьиной массы, муравейника» [12, с. 152].

Именно в таком виде вошла эта метафора в творчество Достоевского. Истоки её у русского писателя исследователи устанавливают в философской повести Вольтера «Микромегас» и в «Жане Сбогаре» Шарля Нодье [см.: 5, с. 387; 25, с. 300–301]. В качестве «символа ничтожества человека» муравейник предстаёт также в «Разбойниках» Шиллера [12, с. 148]. Б. Н. Тихомиров указывает, что этот образ был и в русской литературе: в «Борисе Годунове» Пушкина и в «Призраках» Тургенева [25, с. 300–301].

Как метафора многочисленности и ничтожности людей муравейник появляется у Достоевского в первой же публикации – переводе «Евгении Гранде» Бальзака. Причём у самого Бальзака нет сравнения общества с муравейником [12, с. 147] – оно оказывается переводческой вольностью Достоевского, в этом, как и в ряде других случаев, стремившегося предать французскому оригиналу большей экспрессивности. В «Записках из мёртвого дома» раскопанный муравейник станет метафорой острога, взбудораженного известием о побеге нескольких заключённых. В «Преступлении и наказании» Раскольников возжаждет власти «над всею дрожащею тварью и над всем муравейником» [4, с. 253]. Примеры подобного метафорического упоминания муравейника у Достоевского можно множить, в том числе за счёт его литературно-критических работ (см., например: [8, с. 158]).

Но в названных случаях муравейник упоминается просто как метафора. Концептуальную значимость он обретает в «Зимних заметках о летних впечатлениях», попадая в смысловое поле напряжённой полемики Достоевского (шире – журналов «Время» и «Эпоха», издаваемых братьями Достоевскими) с прогрессистскими и революционными направлениями в общественной и литературной мысли 1860-х

гг. – прежде всего, с «Современником», Н. Г. Чернышевским, М. Е. Салтыковым-Щедриным.

Можно назвать общепризнанным (см.: [3, с. 371]) тот факт, что, создавая грандиозный образ муравейника в «Зимних заметках...», Достоевский полемически откликается на рассуждения героев сочинения Г. Э. Лессинга «Эрнст и Фальк. Разговоры для масонов», обширные цитаты из которого приведены Н. Г. Чернышевским в работе «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (1856–1857). В диалоге Эрнста и Фалька об идеальном устройстве государства муравейник осмысливается как недостижимый идеал свободного общества, где «нет никакого общего управления», «каждый умеет управлять самим собою» [26, с. 209] и добровольно трудится во имя общего блага. Этот идеал восхитил Чернышевского, впоследствии создавшего грандиозный утопический образ гармоничной жизни людей будущего (а в «настоящем» – мастерскую Веры Павловны), устроенной наподобие муравейника.

Чернышевский в сформулированной им теории «разумного эгоизма», призванной заместить собою «старую» христианскую мораль, во многом развивает философские и этические традиции эпохи Просвещения. В русской литературе порою адептом этой философии (во всяком случае, в её «назидательной» части) называют В. Ф. Одоевского (ср.: «просветитель, в главном сохранивший верность традициям русской дидактической сатиры, обличающей и поучающей» [17, с. 18]). В то же время именно Одоевского можно назвать предшественником Достоевского в полемике с просвещенческим «гуманистическим» взглядом на человека, причём также использовавшим образ муравья (последнее, насколько нам известно, пока не было отмечено исследователями, тогда как вообще к вопросу о важности Одоевского для Достоевского учёные обращались не раз [18; 20]). Одоевский пишет не о муравейнике, но об одном муравье, однако качества этого «героя» обличают в нём типичного представителя просве-

тительского «муравейника». Так, о басне Лафонтена про стрекозу и муравья Фауст в «Русских ночах» размышляет: «Обрати мораль этой басни в правило, последуй за его приложениями, и ты дойдёшь до того, что, по строгой логике, больного отнюдь не должно лечить: “он болен, следовательно он виноват, следовательно должен быть наказан!”» [19, с. 184]. Эта басня как «выражение господствующей теории» XVIII в. («чего, верно, и в голову не приходило добродушному Лафонтену»), согласно Фаусту, лишает человека права раскаяния – важнейшего права в христианской картине мира, столь значимого для многих героев как Достоевского, так и Одоевского.

С детской непосредственностью о жестокости муравья и о жалости к стрекозе выскажется мудрая неземной мудростью Софья в повести Одоевского «Косморама». С наивностью рассуждая о том, что «понимать книги очень трудно», героиня приводит в пример своего опекуна, который «очень любил басню “Стрекоза и Муравей” ... всегда приговаривал: ай да молодец муравей!». «А мне, – добавляет героиня, – всегда бывало жалко бедной стрекозы и досадно на жестокого муравья. Я уже многим говорила, нельзя ли попросить сочинителя, чтобы он переменял эту басню, но над мной все смеялись» [19, с. 353–354]. Узнав же, что Лафонтен «умер ещё до французской революции», Софья делает неожиданный для рассказчика вывод: «То, что вы называете французской революцией, непременно должно было произойти от басни “Стрекоза и Муравей”» [19, с. 354].

Характерно, что в обоих случаях Одоевский отсылает читателя не к парафрастическому перетолкованию И. А. Крылова, но к французской версии Лафонтена. Возможно, Одоевский чувствовал, что в русской версии «мораль» выражена не столь однозначно, о чём аргументированно пишет И. А. Есаулов: «Как будто бы “мораль” так прозрачна, что недаром же басня входила во все советские хрестоматии, иллюстрируя известный принцип – “Кто не работает, тот не ест”.

Однако какой на самом деле её поэтический смысл? ... отказ Муравья в милости является одновременно вызовом христианскому милосердию и словно бы отречением от этой традиции, в финале звучит вовсе не авторское поучение, а голос героя, “муравьиная” правда, но эта “правда” – “правда” муравья-фарисея» [14, с. 19; см. также: 13, с. 50–59]. Любопытно в этой связи и наблюдение В. В. Дудкина, который, отмечая, что «на муравьиную трудовую педагогику спрос сохранился на протяжении веков вплоть до И. А. Крылова и десятилетия советской эпохи», в примечании приводит свидетельство Л. С. Выготского, согласно которому иногда «советским детям “казалась очень чёрствкой и непривлекательной мораль муравья, и всё их сочувствие было на стороне стрекозы”» [12, с. 149].

Муравейники Достоевского: «легион имя мне» (Мк. 5: 8–9)

Выше уже обозначив случаи метафорического появления «муравейника» у Достоевского, мы не будем останавливаться на них подробнее, а сосредоточимся на том «образе-концепте», который создаёт писатель в художественных произведениях и в публицистике. Не ставя цели привести и прокомментировать исчерпывающий перечень такого упоминания муравейников в художественной прозе, публицистике, заметках и письмах Достоевского, мы сосредоточимся на наиболее репрезентативных, на наш взгляд, примерах, отдавая предпочтение тем, которые не были или пока были мало прокомментированы исследователями. Важной задачей будет показать, какую же альтернативу социальному муравейнику предпочитал Достоевский.

Но в начале обзора невозможно пройти мимо уже упомянутого и хорошо известного образа муравейника, созданного Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Описывая подавляющее впечатление от всемирной выставки в Лондоне, от множества снующего туда-сюда народа, множества, в котором теряется

личность, невольно чувствуя собственную малость и ничтожность в этом легионе, рассказчик пишет о носящейся в воздухе подавляющей мысли «вырвать с мясом из себя все желания и надежды, проклясть своё будущее, в которое не хватает веры, может быть, у самих предводителей прогресса, и поклониться Ваалу» [3, с. 69]. Вселенский масштаб происходящего задаётся его соотносённостью с библейской историей: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то прочтение из Апокалипсиса, в очию совершающееся. Вы почувствуете, что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» [3, с. 70]. А вместе с тем властители умов провозглашают именно идеал муравейника, в котором «всеобщезападное личное начало», т. е. христианская сущность человека, обречена на смерть, её предрешает «необходимость хоть как-нибудь ужиться вместе, хоть как-нибудь составить общину и устроиться в одном муравейнике; хоть в муравейник обратиться, да только устроиться, не поедая друг друга – не то обращение в антропофаги!» [3, с. 69].

О «муравьином» идеале современно-го общества едко пишет и парадоксалист «Записок из подполья», иронично отмечая невозможность для людей его реализации: «Вот муравьи совершенно другого вкуса. У них есть одно удивительное здание в этом же роде, навеки нерушимое, – муравейник. С муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейником, наверно, и кончат, что приносит большую честь их постоянству и положительности. Но человек существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать – в самой жизни, а не

собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не иное что, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти» [3, с. 118–119]. В скобках можно заметить, что $2 \times 2 = 4$ у Достоевского становится своего рода эмблемой непреложности неких рациональных «истин» (см.: [16; 21; 22]), как и идея «муравейника», овнешняющих человека.

Как «начало смерти» «муравейник» лондонской всемирной выставки осмысливается и в «Зимних записках...», автор которых, восставая на подобное «*овнешняющее обезценивание*» (курсив автора. – Ю. С. [1, с. 74]) личности, также размышляет о том, сколь чуждо оно человеческой природе, замечая, что человеку тяжело отдать и «самую капельку его личной свободы для общего блага, самую, самую капельку»: «И ведь на воле бьют его, работы ему не дают, умирает он с голоду и воли у него нет никакой, так нет же, всё-таки кажется чудачку, что своя воля лучше. ... далеко ещё человеку до муравейника!» [3, с. 81].

Идеал «муравейника» становится для Достоевского синонимом идеала легиона, и в подобном мироощущении писатель не был одинок. «Последний романтик» А. А. Григорьев размышлял о том, что Н. В. Гоголь и В. Ф. Одоевский отметили важную сторону «всеобщей болезни» – «это власть творимой силы множества над всяким и каждым» [2, с. 117]. И далее критик дал следующее определение «силы множества»: «Что же такое эта тёмная, то есть неизвестная, никому не ведомая сила, которая подчиняет себе всё посредством швей и портных, уравнивает всё за картами, на господство которой восстают Гоголь и Одоевский? Сила эта – легион, “множество”, – как некогда сама она ответила Божественному Учителю» [2, с. 117].

Именно в легион превращаются люди в апокалиптической картине лондонской выставки у Достоевского, и именно против такого превращения, столь любезного «господам социалистам», восстает писатель, для которого коллективизм как основополагающий принцип социально-го «муравейника» в корне отличается от

соборности как первоосновы «братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону» [11, с. 148; см. подр. 15, с. 254–255].

Об этом различии, в частности, Достоевский размышляет в «Дневнике писателя» в некрологе, посвящённом Жорж Занд (так у Достоевского). Она «умерла деистой», но «была, может быть, одною из самых полных исповедниц Христовых, сама не зная о том». И далее Достоевский делает акцент на христианской сущности социализма французской романистки, состоящей в том, что «свои убеждения, надежды и идеалы» она основывала «на нравственном чувстве человека, на духовной жажде человечества, на стремлении его к совершенству и к чистоте, а не на муравьиной необходимости». Для Достоевского отличие Жоржа Занда от новейших социалистов состоит именно в вере в человеческую личность: писательница «вышла и раздвигала представление о ней всю жизнь свою – в каждом своём произведении и тем самым совпала и мыслию, и чувством своим с одной из самых основных идей христианства, то есть с признанием человеческой личности и свободы её (а стало быть, и её ответственности)» [9, с. 37]. Но при таком воззрении на человека необходимо признать и важность самоограничения, духовной работы личности над собой. В одной из записных книжек Достоевский так размышляет на этот счёт: «Если любить друг друга, то ведь сейчас достигнешь. Чтоб любить друг друга, нужно бороться с собой, – говорит церковь. Атеисты кричат: измена природе. Бремена тяжкие, тогда как это лишь наслаждение» [10, с. 164]. Проводя глубокий анализ совершенно иного понимания человеческой природы Достоевским (как проповедником христианского взгляда на человека) и материалистами, Б. Н. Тарасов размышляет о том, что, согласно русскому писателю, вера в построение «социального муравейника», как и в «вера в науку, деньги, свои собственные силы, государство, нацию, гражданское общество, цивилизацию, прогресс» [23, с. 163] порождалась в грани-

цах «тёмной основы нашей природы» – в области, охваченной первородным грехом.

Развитие и расцвет атеизма и социализма Достоевский связывал с постулатами и политикой римской церкви, ещё до социалистов провозгласившей: «не рассуждать, слушаться, и будет муравейник» [10, с. 164]. Выразителем этого «гуманного» взгляда на человека в художественном мире Достоевского становится Великий инквизитор Ивана Карамазова, упрекающий Христа за то, что Он переориентировал природу человека и своими завышенными запросами к нему обрёк его, по сути, на «обращение в антропофаги». Отнюдь не Христос, но Его искуситель в пустыне оказывается для инквизитора подлинным «гуманистом», действительно думающим о благе человека: «Приняв этот третий совет могучего духа, – упрекает представитель римской церкви Христа, – Ты восполнил бы всё, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей» [6, с. 234–235]. И далее Великий инквизитор развивает собственную программу сделать из десяти людей подобие муравейника, и тем их наконец осчастливить – программу, уже знакомую читателям Достоевского, хотя и под другим – социалистическим – «соусом», по шигалевщине в «Бесах». Это «переформатирование» изначально призванных Богом к соборной любви людей в соответствии с «советом» «могучего духа», особенно в свете эпитафии к «Бесам» об исцелении гадаринского бесноватого, из коего Христос изгоняет «легион» бесов, оказывается равносильным превращению самих людей в «легион»: созданный из них «муравейник» предстаёт уже не просто как бездушная машина, но как inferнальный, одержимый бесовскими силами механизм. В самом романе «Бесы» темы легиона и муравьёв смыкаются прямо, хотя и не непосредственно: эпитафия об изгнании «легиона» бесов из одержимого ими человека,

который в конце романа прямо будет отнесён Верховенским-старшим с либералами и революционерами, сочетается с тем, что сходки «наших» происходят на Муравьиной улице.

Что же касается «поэмы» Ивана Карамазова, в связи с ней возникает ещё одна «муравьиная» параллель. Алёша задаётся вопросом: уж не масон ли Иван (вспомним, муравейники и масоны сближались и в цитированном выше сочинении Лессинга)? Это предположение в конце романа подтвердит и Дмитрий [7, с. 32]. Подобное сближение инквизиции и масонства происходит главным образом через общий для них идеал «муравейника». В записной книжке Достоевский напишет про масонство: «Право, мне мерещилось всегда, что у них какая-то тайна, адово разумение, тайна муравья. Но такая тайна равносильна обращению человека в муравья, коли дан разум» [10, с. 162]. И далее писатель вновь развивает важную для него мысль о необходимости свободы для человека, который «не захочет муравьиного гнезда», не потерпит «ограничения личности», даже и для хлеба [10, с. 162].

Заключение

Таким образом, муравейник у Достоевского упоминается и как метафора множественности и ничтожности людей, и как образ-концепт логично, «научно» устроенного общества. Оба эти употребления слова были и до Достоевского, как в западноевропейской, так и в русской литературе, но именно у него муравейник приобретает концептуальное значение. Рациональный подход к человеку, редуцирование его личности, в которой мерцает Лик Божий, до биологического типа «усиленно сознающей мыши» [3, с. 104], овнешнение, стремление научно обосновать необходимость сведения богатства человеческой жизни к логическому муравейнику, где всё будет ясно прописано, как $2x2=4$, были для Достоевского неприемлемы.

В то же время писатель отнюдь не был индивидуалистом, как, например, Жан

Сбогар Ш. Нодье, также возражавший на социальные «муравейники» его времени. Неизбежно построенному на ограничении свободы личности и на насилии над ней коллективизму «муравейника» Достоевский противопоставлял соборное единение людей во Христе, основанное на добровольном и согласном союзе, где каждый готов положить душу за други своя, – чувстве, которое писатель считал высшим проявлением личности (см. подр.: [23, с. 159–160]). Недаром в художественном мире «Братьев Карамазовых» мрачной картине «счастливого» муравейника, нарисованной Иваном, противостоит мотив все нарастающего братства между людьми, апофеозом которого становится речь Алёши у камня перед двенадцатью мальчиками (см. подр.: [15, с. 263]).

Завершая обзор «муравьиной» темы у Достоевского, стоит отметить: было бы ошибочно думать, что писатель испытывал какую-то личную неприязнь к муравьям. Муравьи, когда их не навязывают в качестве образца человеку, выступают у Достоевского как часть Божьего мира и «великой тайны» его: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчёлка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, непрерывно совершают её сами» [6, с. 267], – в восхищении перед неисповедимостью Божьего промысла о мире говорит старец Зосима. В комментариях эти размышления Зосимы соотносят с «повествованием о монахе Оптиной пустыни, отце Паллади» [7, с. 566]. Но любопытно, что в этом первоисточнике именно муравьёв-то и нет (ср.: «Пойдёт, например, иногда он в лес: всему удивляется, каждой птичке, мушке, травке, листику, цветочку» [7, с. 566]). Так и муравьи в художественной картине мира Достоевского занимают в конце концов достойное место, но то место, которое предопределено им Богом, а не «господами социалистами».

Статья поступила в редакцию 08.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
2. Григорьев А. А. Гоголь и его последняя книга // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М.: Искусство, 1982. С. 106–125.
3. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 5. М.: Из-во АН СССР, 1973. 407 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 6. М.: Из-во АН СССР, 1973. 423 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М.: Из-во АН СССР, 1973. 416 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 14. М.: Из-во АН СССР, 1975. 511 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 15. М.: Из-во АН СССР, 1976. 624 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 21. М.: Из-во АН СССР, 1980. 551 с.
9. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 23. М.: Из-во АН СССР, 1981. 423 с.
10. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 24. М.: Из-во АН СССР, 1982. 518 с.
11. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. 26. М.: Из-во АН СССР, 1984. 518 с.
12. Дудкин В. В. Муравейник у Достоевского (от метафоры к концепту) // *Sub specie tolerantiae*. Памяти В. А. Туниманова. СПб.: Наука, 2008. С. 147–154.
13. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 30–66.
14. Есаулов И. А. Словесность русского века между ratio Просвещения и православной традицией // Проблемы исторической поэтики. 2013. Вып. 11. С. 7–26.
15. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. 2-е изд., доп. Магадань: Новое Время, 2020. 480 с.
16. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109–114.
17. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 208 с.
18. Назиров Р. Г. Владимир Одоевский и Достоевский // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 37–41.
19. Одоевский В. Ф. Русские ночи: Роман. Повести. Рассказы. Сказки. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
20. Сытина Ю. Н. В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 173–193.
21. Сытина Ю. Н. «Дважды два – математика. Попробуйте возразить»: возражения Достоевского и русской классики // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 36. СПб.: Серебряный век, 2018. С. 47–55.
22. Сытина Ю. Н. О некоторых особенностях «арифметики» Достоевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 2. С. 287–299.
23. Тарасов Б. Н. Tertium non datur: к вопросу о месте и значении творчества Ф. М. Достоевского в мировом историко-культурном процессе // Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте. М.: Индрик, 2017. С. 153–222.
24. Тарасова Н. А., Жилевич О. И. Проблема интертекстуальных связей в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2012. № 8. С. 113–127.
25. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
26. Чернышевский Н. Г. Лессинг, его время, его жизнь и деятельность // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гос. изд. художественной литературы, 1948. С. 5–221.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. [The Problems of Dostoevsky's Poetics]. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochineniy*. T. 6 [Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 6]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, pp. 6–300.
2. Grigoriev A. A. [Gogol and his last book]. In: *Russkaya estetika i kritika 40–50-h godov XIX veka* [Russian aesthetics and criticism of the 40–50s of the XIX century]. Moscow, Art Publ., 1982, pp. 106–125.
3. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch.* T. 5 [Complete collection cit. Vol. 5] Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1973. 407 p.
4. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch.* T. 6 [Complete collection cit. Vol. 6] Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1973. 423 p.
5. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch.* T. 7 [Complete collection cit. Vol. 7] Moscow, Publishing house of

- the Academy of Sciences of the USSR, 1973. 416 p.
6. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 14* [Complete collection cit. Vol. 14] Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1975. 511 p.
 7. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 15*. [Complete collection cit. Vol. 15]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1976. 624 p.
 8. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 21* [Complete collection cit. Vol. 21]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1980. 551 p.
 9. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 23* [Complete collection cit. Vol. 23]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1981]. 423 p.
 10. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 24* [Complete collection cit. Vol. 24]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1982. 518 p.
 11. Dostoevsky F. M. *Polnoe sobr. soch. T. 26*. [Complete collection cit. Vol. 26]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1984. 518 p.
 12. Dudkin V. V. [Dostoevsky's anthill (from metaphor to concept)]. In: *Sub specie tolerantiae. Pamyati V. A. Tunimanova* [Sub specie tolerantiae. In memory of V.A. Tunimanov]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. pp. 147–154.
 13. Esaulov I. A. [Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (To the Problem Statement)]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 30–66.
 14. Esaulov I. A. [The Russian Literature of the 18th Century: Between the Ratio of Enlightenment and the Orthodox Tradition]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2013, Iss. 11, pp. 7–26.
 15. Esaulov I. A. [Easter Colours in Russian Philology]. Magadan, New Time Publ., 2020. 480 p.
 16. Zakharov V. N. [What is Two Times Two? Or When the Obvious Is Anything but Obvious in Dostoevsky's Poetics]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2011, no. 4, pp. 109–114.
 17. Markovich V. M. *Peterburgskie povesti N. V. Gogolya* [Petersburg stories by N. V. Gogol]. Leningrad, Fiction Publ., 1989, 208 p.
 18. Nazirov R. G. [Vladimir Odoevsky and Dostoevsky]. In: *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniya raznykh let* [Russian Classical Literature: a Comparative Historical Approach. Studies of Different Years]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 37–41.
 19. Odoevsky V. F. *Russkie nochi: Roman. Povesti. Rasskazy. Skazki* [Russian Nights: A Novel. Stories. Stories. Fairy tales]. Moscow, Eksmo Publ, 640 p.
 20. Sytina, Yu. N. [In Search of a “Positively Excellent” Hero: Prince Myshkin by F.M. Dostoevsky and Segeliel by V.F. Odoevsky]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics], vol. 19, no. 1, pp. 173–193.
 21. Sytina Yu. N. [“Two and Two Is Mathematics. Try to Argue”: The Objections of Dostoevsky and of the Russian Classics]. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: Al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2018, vol. 36, pp. 47–55.
 22. Sytina Yu. N. [On Some Features of Dostoevsky's “Arithmetic”]. In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Herald of the Russian Christian Institute for Humanities], 2019, vol. 20, no. 2, pp. 287–299.
 23. Tarasov B. N. [Tertium non datur: on the place and meaning of F.M. Dostoevsky in the world historical and cultural process]. In: *Russkaya klassicheskaya literatura v mirovom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian classical literature in the world cultural and historical context]. Moscow, Indrik Publ., 2017, pp. 153–222.
 24. Tarasova N. A., Zhilevich O. I. [The problem of intertextual connections in “Winter Notes on Summer Impressions” by F. Dostoevsky]. In: *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2012, no. 8, pp. 113–127.
 25. Tikhomirov B.N. «Lazarus! gryadi von». *Roman F. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii* [“Lazarus! Come out!” Roman F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment” in a modern reading]. St. Petersburg, Silver Age Publ., 2005, 472 p.
 26. Chernyshevsky N. G. [Lessing, his time, his life and work]. In: Chernyshevskiy N.G. *Polnoe sobranie sochinenij* [Chernyshevsky N.G. Complete Works]. Moscow, State. ed. Fiction Publ., 1948, pp. 5–221.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сытина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Московского государственного областного университета;
e-mail: yulyasytina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuliya N. Sytina – Cand. Sci. (Philology), Ass. Prof., Moscow Region State University;
e-mail: yulyasytina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сытина Ю. Н. «Легион имя мне»: ещё раз к вопросу о «муравейниках» Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 105–114.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-105-114

FOR CITATION

Sytina Yu. N. “Legion is My Name”: Once Again to the Question of Dostoevsky’s “Anthills”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 105–114.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-105-114